

Художественная редакция П.А. Дружинина

В истории русского собирательства второй половины XIX столетия особое место принадлежит выдающемуся русскому библиографу, библиофилу и коллекционеру Григорию Николаевичу Геннади (1826—1880). Для современников это объясняется не только характеристикой его замечательных коллекций, которые были рассеяны, не оставив после себя никаких описаний, но прежде всего выдающимся вкладом Геннади в отечественную библиографию.

В этой книге мы предлагаем описание его коллекции русских гравированных портретов, которая пользовалась даже большей известностью, чем его знаменитая библиотека. Это собрание занимает свое почетное место в истории отечественного коллекционирования, а в силу обилия уникальных и редких листов активно использовалось А.А. Васильчиковым и Д. А. Ровинским для написания своих мемуарных сочинений по русской гравюре.

Особенный интерес эта тема представляет еще и потому, что собрание гравюр и литографий Геннади (как, впрочем, и библиотека) известно лишь по кратким отзывам современников. Конкретный же его состав всегда оставался неизвестен, и до настоящего времени историки русского собирательства и биографы Геннади могли лишь

ISBN 5–94926–005–8

© П.А. Дружинин, 2004.

констатировать, что «драгоценное собрание Геннади было продано в розницу и тем самым потеряно для русской культуры»¹.

Григорий Николаевич Геннади, сын Николая Александровича Геннади и саксонки Мари, урожд. фон Плоетц, родился в отцовском имении Юшино Сычевского уезда Смоленской губернии 18 марта 1826 года. Первоначальное образование получил в Сычевском уездном училище, а затем был определен отцом в Москву в частный пансион Л. И. Чермака. После выпуска из пансиона в 1843 году поступил на юридический факультет Московского университета, откуда в следующем году перешел в Петербургский университет, который и окончил в 1847 году. В 1851 году поступил на службу канцелярским чиновником в Петербургскую Палату государственных имуществ, но уже осенью был назначен почетным смотрителем Сычевского уездного училища и перебрался на родину. Там он находился на службе примерно до 1864 года, когда вышел в отставку в чине надворного советника. Женат Геннади долго не был, что объяснялось унаследованной от отца необыкновенной страстью библиографа к противоположному полу.

В 1865 году, когда умер его отец Николай Александрович, Геннади унаследовал весьма крупное состояние, каковым обстоятельством воспользовалась Татьяна Борисовна Потемкина, сосватав библиографу свою племянницу княжну Елизавету Александровну Куракину. Скорее всего, Геннади прельстился лишь знатным происхождением невесты, поскольку красотой она, мягко говоря, не блистала (граф С. Д. Шереметев дал ей такую характеристику: «Не хороша собою, проста, рябая, ... характер неуживчивый.»²). Переехав с женой в Петербург, он не смог вынести тамошней жизни по причине постоянного издевательства друзей над его «неравным браком» и из-за преследовавших его любовных связей. Поскольку укрыться в Москве или в Юшине от этого было невозможно, Геннади с конца 1860-х годов подолгу живет за границей. Обосновался он в Германии - жил сперва

в Берлине, а потом в Дрездене (родине его матери), правда довольно часто навещая своих петербургских и московских друзей.

В конце 1879 года, во время последнего своего приезда в Петербург, Геннади простудился, получив затем воспаление легких, от которого и умер 26 февраля 1880 года в гостинице «Виктория» на Большой Конюшенной улице. Детей он не имел, а жена, овдовев, осталась жить в Германии и вскоре, приняв католичество, вновь вышла замуж, за немца фон Пильхау.

Мы решили сознательно обойти его библиографическую и библиофильскую деятельность, подробно о которой можно узнать из жизнеописаний и списков печатных работ Геннади³. Здесь мы коснемся Григория Николаевича Геннади как собирателя эстампов.

Свою деятельность на этом поприще Геннади начал в первой половине 1840-х годов (по времени это совпало с началом собирательства Д. А. Ровинского), в 1844 году он покупает несколько редких русских гравированных портретов из собрания скончавшегося А. И. Гасинга⁴. 1850-ми годами датированы его статьи об эстампах — «О портретах Пушкина»⁵ и «Новые петербургские эстампы»⁶, а также заметка «Старинные русские портреты»⁷. Однако в те годы Геннади явно недоставало средств для такого занятия и ему пришлось ждать 1865 года, когда получение значительного отцовского наследства дало второе дыхание его собирательству.

Вообще время до середины 1870-х годов было наиболее благоприятным для собирания гравированных портретов. Это обстоятельство объясняется тем, что уже в 1872 и 1875 годах вышли два справочника, привлечшие значительный интерес, - это «Словарь русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского (СПб, 1872) и «Liste alphabetique de portraits russes» А. А. Васильчикова (Т. I - II. St. Petersburg, 1875). Эти две книги, особенно капитальный труд Васильчикова, породили множество коллекционеров, что повлекло за собой общее повышение цен на гравированные портреты. К тому же книга Васильчикова

сделала более сложной покупку портретов за границей, где также начали расти цены.

Лишним доказательством благоприятности указанного времени служит, например, динамика роста собрания Д. А. Ровинского: если во второй трети 1860-х годов он имел “более 3000 листов работы русских мастеров, русских портретов, видов и лубочных картинок”⁸, то уже к концу 1872 года у него только гравированных портретов насчитывалось более 4000 листов⁹. Конечно Геннади не по средствам было соперничать с Ровинским, но все равно его коллекция постоянно пополнялась.

Собрание эстампов Геннади хранил в Москве, в Чертковской библиотеке, а в 1865 году предпринял попытку опубликовать наиболее редкие из имеющихся у него гравированных портретов. В том же году в «Книжном вестнике» было опубликовано следующее объявление: «В Москве, через посредство магазина Ушаковых и К^о, предпринято издание “Редких русских портретов” из собрания Г. Н. Геннади. Все издание будет разделено на выпуски, из коих в первом будут помещены литографии с редких портретов»¹⁰. Но в задуманном виде издание не осуществилось. Это произошло из-за того, что вместо литографских воспроизведений издание состояло из простых фотографий. А поскольку тогда считалось, что фотографии очень быстро выцветают, тираж распродан не был и издание, как часто происходит в русской книгоиздательской практике, завершилось на первом выпуске. Датировано оно 1866 годом, а цензурное разрешение - 22 марта 1865 года. Название говорит само за себя: «Русские портреты из собрания Г. Н. Геннади, хранящегося в Москве, в Чертковской библиотеке» (Издание “Русской фотографии”. Москва. В Университетской типографии (Каткова и Ко). 1866).

Геннади как коллекционер эстампов и библиофил был неотделим от среды собирателей того времени. Он был одним из наиболее деятельных представителей этого сообщества. Геннади был постоянным

посетителем и участником знаменитых «четвергов» у П. А. Ефремова, а в 1870-х годах возглавил собрания, проходившие в доме петербургского коллекционера Н. П. Дурова и получившие название «Дуровские среды»¹¹. На этих «средах» собирались Д. А. Ровинский, Я. Ф. Березин-Ширияев, А. А. Васильчиков, Д. Ф. Кобеко, П. А. Ефремов и другие, причем П. А. Ефремов тогда приезжал для этого из Москвы.

Поражает доступность Геннади, который предоставлял свое собрание для занятий не только А. А. Васильчикову и Д. А. Ровинскому, но и другим исследователям. С этими качествами собирателя связано и то, что он намеревался подарить свою коллекцию эстампов городу Москве. Хранил он собрание при Чертковской библиотеке, но затем перевез в Дрезден, поскольку бывал в России все реже. Планам Геннади не суждено было сбыться, поскольку завещания он не оставил. Таким образом, библиотека и собрание эстампов перешли к его вдове и сохранялись в Дрездене.

В 1883 году вдова Геннади Елизавета Александровна решила продать собрание мужа. В Дрездене за назначенную сумму (хотя и крайне невеликую по тогдашним российским меркам) продать его было затруднительно. Но в следующем году покупатель нашелся: им стал Фельтен - самый знаменитый петербургский торговец эстампами и один из крупных букинистов.

Вот как сам Фельтен вспоминал о покупке геннадиевского собрания: «В 1884 году я был проездом в Дрездене. Там торговцы обещали мне в скором времени показать большое собрание русских гравированных портретов, не называя имени собственника, но я скоро узнал, что это собрание умершего Геннади, которое находилось у вдовы последнего (урожд. княжны Куракиной). В гостинице я узнал ее адрес и отправился к ней. Я был крайне удивлен услышать от нее, что она не согласна показать собрание, так как все торговцы-антиквары Дрездена пересмотрели портфели, но купить собрание за назначенную цену не решились. Я назвал мое имя, она тогда смягчилась и сообщила

о цене 6.000 рублей за все собрание. Не думая долго, я купил собрание, не рассматривая его дома. Одно имя Геннади и уважение к его трудам было для меня достаточно.»¹² За библиотеку Геннади Фельтен в следующем 1885 году заплатил такую же сумму¹³.

Вообще здесь хочется отдельно упомянуть о Фельтене, который иначе как по фамилии нигде не называется, что объясняется отчасти ее нарицательностью. Альфонс Францевич Фельтен (1849-?) был самым богатым петербургским антикваром последней четверти XIX - начала XX века, занимавшимся преимущественно эстампами¹⁴. Книги же он покупал почти всегда только целыми библиотеками, затем распродавая их в розницу на втором этаже своего магазина на Невском. Фельтена недолго любили все - при его упоминании либо морщились, либо вообще молчали, либо извергали массу нелестных слов. Есть несколько составляющих этого фельтеновского "успеха": первое и главное - большое состояние, которым не обладали другие главнейшие тогда наши букинисты, даже Клочков и Шибанов. Это позволяло Фельтену "перебывать" почти все крупные библиотеки. Второе составляющее - полная неосведомленность Фельтена в предмете своей торговли (для расценки библиотек он приглашал по договоренности какого-либо знатока - чаще В. И. Яковлева или Н. Ф. Бокачева). Кроме собрания Геннади Фельтен купил, например, коллекцию листов, а затем и всю огромную библиотеку П. А. Ефремова. А собрания коллекционеров гравюр практически все прошли через его руки.

Фельтен, перевезя из Дрездена в Петербург геннадиевское собрание эстампов (и библиотеку), довольно скоро расценил его и пустил в продажу (библиотеку расценил Н. Ф. Бокачев). Нужно отдать должное Фельтену: при распродаже собраний гравюр он всегда (!) в углу листа делал карандашную пометку, указывающую на происхождение листа. И в случае с собранием Геннади сделано было то же самое: «На гравюрах клейм никаких не было; но мною отмечено карандашом на каждом листе в углу: "Ghennady" или сокращенно "Gh."»¹⁵

Лучшие листы и уникальные собрания Геннади были куплены Х. Х. Гилем для коллекции графа Д. И. Толстого (более ста листов). Почти все литографии и часть гравированных портретов купил В. А. Тюляев (ему из собрания Геннади досталось свыше 1000 листов). Также значительные покупки были сделаны Д. А. Ровинским, И. И. Курисом, П. Я. Дашковым, В. И. Яковлевым, и Х. Х. Гилем (на сей раз исключительно для себя).

Небезынтересен вопрос количественной характеристики коллекции эстампов Геннади. Эта цифра, если судить по отзывам современников, очень сильно разнится; причем наблюдается расхождение более чем вдвое. Первые сведения относятся к 1865 году: «Собрание русских портретов, гравированных и литографированных, состоящее из 4800 листов, или экземпляров, составленное Г. Н. Геннади, хранится в Чертковской библиотеке в Москве, на Мясницкой»¹⁶. Затем количественную характеристику (примерно на конец 1872 года) сообщает Ровинский: «Богатое собрание портретов Г. Н. Геннади, заключающее до 3000 портретов, в числе которых более половины гравированных»¹⁷. Семнадцать лет спустя, уже после смерти собирателя, он пишет: «Григорий Николаевич Геннади, известный собиратель русских портретов и автографов. Собрание его отличалось чрезвычайною полнотою (до 3.000 листов); за хорошими экземплярами он не гонялся...»¹⁸ Я. Ф. Березин-Ширяев в своих воспоминаниях о Геннади, описывая посещение его в 1873 году, говорит: «Геннади собирает портреты уже несколько лет и в его коллекции находится более восьми тысяч портретов разных русских деятелей; он собирает не одни гравированные портреты, как Ровинский, но все вообще литографированные, резанные на дереве и даже лубочные.»¹⁹ И, наконец, хронологически последние сведения приводит Фельтен: «Собрание содержало около 6.000 листов, пополам литографии и гравюры. Среди них были и изящные листы, т. е. редкие, но состояние не особенно хорошее.»²⁰ Я. Ф. Березин-Ширяев, вспоминая об одной из распродаж в октябре

1879 года, говорит: «Геннади купил на аукционе русских портретов и видов городов»²¹ - то есть в сферу его интересов входили не только портреты, а еще и видовые листы.

Подобные несообразности происходят не только с собранием Геннади. Скажем, к примеру, об известной коллекции Ф. Ф. Вигеля: в 1853 году он пожертвовал Императорскому Московскому университету «собрание 3139 отдельных гравированных портретов»²², а при ближайшем рассмотрении русских гравированных и литографированных портретов там оказалось всего 415 листов²³, а остальные оказались иностранные.

Карточка из картотеки Геннади. 1860-е гг.

Настоящее издание включает в себя описания 1028 листов. Но сюда не вошли гравюры на дереве, лубки, народные картинки, а также наиболее расплодившиеся в середине XIX столетия литографии, которыми Геннади «особенно горячо увлекался»²⁴. Таким образом, описанное нами количество русских гравированных портретов выглядит вполне удовлетворительным²⁵;

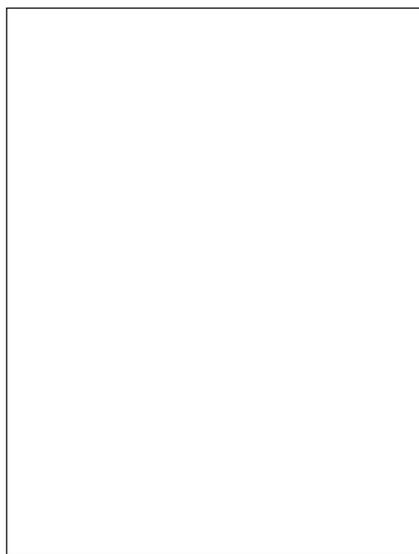
Каким же образом оказалось возможно судить о составе коллекции и как удалось описать листы, большая часть которых хранится в папках крупнейших гравюрных собраний нашей страны, а остальные вообще развеяны по свету? И ведь многие хранители, видя в углу листа мелкую надпись «Gh.», до сих пор не придают ей особого значения.

Составленное самим Геннади в конце 1860-х годов описание коллекции гравированных портретов и наиболее важной *desiderata* погибло - оно было выполнено на карточках и, очевидно, оказалось попросту выброшенным (лишь несколько отдельных карточек размером 11×17,5 см случайно сохранились и находятся в нашем собрании).

Дело в том, что у Геннади, как говорилось уже, была обширная библиотека. Ценна она была не только прекрасными экземплярами и полнотой (особенно в части библиографии), но и многочисленными маргиналиями. О таких геннадиевских экземплярах позже вспоминал П. П. Шибанов: «Геннади я не застал, но частицу его я вкусил <...> Очень жалею, что тогда я мало купил. Купил я книги, главным образом, по библиографии, которыми в то время очень интересовался. Эти книги снабжены в большинстве своем пометками Геннади. Таким образом, я имел экземпляр Сопикова, весь с пометками Геннади, и другие вещи.»²⁶ И чем осведомленнее Геннади был в предмете, которого касалась конкретная книга, тем ценнее могли быть примечания (скажем, упомянутый экземпляр пятитомного «Опытъ Российской библиографии» Сопикова был бы бесценен для составителей Сводного каталога русской книги XVIII или первой четверти XIX века). В настоящее время на антикварном рынке книги из геннадиевской библиотеки встречаются чрезвычайно редко.

Не так давно справочно-библиографическая библиотека московского собирателя А. Л. Соболева пополнилась еще одной редкой книгой, которая была случайно приобретена в одном из европейских городов. Это экземпляр капитального двухтомного труда А. А. Васильчикова «Liste alphabetique de portraits russes», изданный в

Петербурге в 1875 году. Два тома (540 с. + 499 с.) сплетены вместе без печатных обложек и заключены в темно-зеленый полужокожанный переплет с золототисненой надписью «wassiltschikoff, / PORTRAITS / RUSSES.» на корешке. Эта покупка была бы рядовой, особенно если учесть, что экземпляр сильно «уставший», если бы на первом форзаце не оказалось владельческой записи «G. Ghennady».

Титульный лист

После детального рассмотрения стало ясно, что перед нами рабочий экземпляр самого Григория Николаевича Геннади, в котором карандашом и (редко) чернилами отмечено наличие всех имеющихся у него листов, исправлены погрешности, вписаны варианты описанных портретов и различия состояний оттисков, а также добавлены описания портретов, не учтенных Васильчиковым. То есть это та книга, которая служила заменой каталога и сопровождала Геннади в его пу-

тешествиях в России и за границей с 1875 года, по которой он мог всегда справиться о своей *desiderata* или проверить наличие того или иного портрета в своей коллекции. Это было для Геннади удобно и позволяло ему не возить с собой значительную часть каталожных карточек.

Поскольку этот экземпляр без дарственной надписи от А. А. Васильчикова (каковой, несомненно, должен существовать, тем более что автор их раздал достаточно), то справедливо предположить, что это первый экземпляр, вынужденно купленный до получения подарка. На форзаце, кроме владельческой записи, рукою Геннади написаны слова французского писателя барона Феликса Себастьяна Фёйе де Конша (1798-1887): «Un des penchants les plus naturels de l'homme est de chercher a connoatre les traits physiques des personnages dont on lui dйpeint les traits moraux. Feuillet de Conches.» [«Одна из естественнейших склонностей человеческих есть желание узнать физические свойства тех особ, коих описывают им свойства нравственные. Фёйе де Конш.»]

Вполне уместно здесь ответить на вопрос о том, что вообще этот экземпляр делал в Европе. Последнее место его пребывания - библиотека Иоганна Штутца (Stutz), владельца большой русской библиотеки, до 1970-х годов покупавшего на европейских книжных аукционах русские редкости. Где книга была до этого - непонятно, но так может быть, что после смерти Геннади эта книга вообще впервые попала в Россию, поскольку была оставлена в напоминание вдове собирателя о бывшем когда-то прекрасном собрании портретов.

Так волей случая и стало возможным составить описание собрания гравированных портретов Г. Н. Геннади. А по сути, часть работы выполнил А. А. Васильчиков, пользуясь для составления «Liste alphabetique» этим собранием; другая часть была выполнена самим Геннади, старательно и скрупулезно отмечавшим все в своем экземпляре. Нам осталось лишь собрать это воедино, выполнить русские опи-

сания, составить аннотации и указатели, а также снабдить книгу иллюстрациями.

Теперь мы готовы предложить эту работу Вашему вниманию.

¹ Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826-1880). М, 1981. С. 112.

² Шереметев С. Д. Мемуары. М, 2001. С.126.

³ Иваск У. Г. Григорий Николаевич Геннади. (Обзор жизни и трудов). М, 1913; Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826 - 1880). М. 1981.

⁴ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. II. Спб, 1889. Стлб. 169 второй паг. Вместе с Геннади был и А. А. Васильчиков, который также купил несколько хороших листов.

⁵ Геннади Г. О портретах Пушкина. (М. П. Погодину). // Москвитянин. М. 1854. Т. I, № 2. Отд. VIII, смесь. С. 8 - 9.

⁶ Г. Г[еннади]. Новые петербургские эстампы. Москвитянин. М. 1854. Т. III, № 11, кн. 1. Отд. V. С. 220-223.

⁷ Геннади Г. Старинные русские портреты. (Указания для истории портретной живописи в России). // Светопись. 1858. № 7

⁸ Ровинский Д. Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии Художеств. М. 1870. С. 116 (указанные сведения относятся примерно к 1864 году).

⁹ Ровинский Д. Словарь русских гравированных портретов. Спб, 1872. С. V.

¹⁰ Книжный вестник. 1865. № 5. С. 101. Цит. по кн.: Иваск. Указ. Соч. С. 46 - 47.

¹¹ Шибанов П. П. Друзья книги. // Книга: исследования и материалы. Сб. XXVII. М. 1973. С. 157.

¹² Письмо А. Ф. Фельтена к У. Г. Иваску от 2 января 1912 года. Цит по кн.: Иваск. Указ. Соч. С.9 - 10.

¹³ Ровинский, ошибаясь, пишет, что библиотека Геннади распродавалась в Москве в книжном магазине Готье (Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. II. Спб, 1889. Стлб. 574 второй паг.)

¹⁴ Не его ли предком является петербургский торговец картинами и эстампами Иоганн Фельтен (ум. 1839), приехавший в Россию из Карлсруэ и основавший здесь свою фирму?

¹⁵ Иваск У. Г. Указ. Соч. С. 10.

¹⁶ На спинке издательской папки "Русские портреты из собрания Геннади..." (М., 1866, цензурное разрешение 1865).

¹⁷ Ровинский Д. Словарь русских гравированных портретов. Спб, 1872. С. V.

¹⁸ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Спб. 1889. Т. II. Приложения. Стлб. 169.

¹⁹ Родных А. Из записок Я. Ф. Березина Ширияева. // Русский Библиофил. Спб. 1912. № 3. С. 32

²⁰ Иваск У. Г. Указ. Соч. С. 10.

²¹ Родных А. Указ. Соч. С. 34

²² Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1852-1853 академический и 1853 гражданский годы. М. [1854]. С. 50.

²³ Сапрыкина Н. Г. Коллекция портретов собрания Ф. Ф. Вигеля. Гравюра и литография XVIII - первой половины XIX века. (Аннотированный каталог). М. 1980.

²⁴ На это указывает А. В. Морозов в предисловии к своей книге: Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 1. М, 1912. С. IV.

²⁵ Мы вынуждены сделать оговорку, поскольку книга Васильчикова, которая служила для Геннади «походным каталогом», не включала, в отличие от вышедшего позже четырехтомного (или в удешевленном варианте двухтомного) Словаря Ровинского, большого числа персоналий XIX столетия, в том числе Николая I и А. С. Пушкина; также, к примеру, Васильчиков приводит описания портретов Александра I только цесаревичем (всего 9 листов), в то время как у Ровинского насчитывается 1006 (!) его портретов вместе с императорскими и историческими картинками. Это конечно же сказалось и на количестве описанных нами листов, но к счастью не фатально.

²⁶ Шибанов П. П. Указ. Соч. С. 157